

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ развития русскоязычной литературы Казахстана

Б.У. Джолдасбекова, д.ф.н. профессор; Ж.А.Баянбаева
КазНУ им.аль-Фараби
bayanbaevazhadra@mail.ru

Интенсивные социальные процессы постперестроечного времени оказали существенное влияние на формирование особой языковой и литературной ситуации в Казахстане: несмотря на то, что казахский язык приобрел статус государственного, русский язык остался средством межнационального общения и по-прежнему играет важную роль в сферах образования и культуры.

И, несмотря на заявления о том, что в Казахстане нет возможностей для возрождения русской литературы, что русская литература подменена на русскоязычную литературу и т.п. [1], в республике сохраняется реальный билингвизм, как в быту, так и в области культуры и искусства. И в центре внимания читающей публики по-прежнему остаются как русскоязычные художественные произведения казахских авторов, так и произведения, созданные писателями и поэтами, русскими по мироощущению, национальности и духу.

Поэтому мы с полным правом можем утверждать, что в нашей республике русская литература занимает достойное место со времен ее официального организационного оформления: это произошло в 30-е годы прошлого века, когда в 1933 году накануне первого съезда писателей возникла русская секция писателей Казахстана. В ее состав вошли уроженцы Казахстана, оставшиеся жить и работать в казахстанских городах, и те, кто приехал в республику по поручению партии в творческую командировку: Иван Шухов, Николай Анов, Максим Зверев, Дмитрий Снегин, Павел Кузнецов, Александр Дубовицкий, Иван Калашников, Леонид Макеев, Владимир Чугунов, Николай Титов, Дмитрий Черепанов и др. Меньше чем за год были организованы подсекции в Уральске, Семипалатинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске, Риддере.

Особую роль в консолидации сил русских писателей сыграли издававшиеся в 1934- 1941-х годах газета «Литературный Казахстан», альманах «Советская литература Казахстана», журнал «Литература и искусство Казахстана», который регулярно выходил вплоть до июля 1941-ого года. С 1946 года возобновил работу альманах «Казахстан», известный в 1953- 1959-х годах как ежемесячный журнал «Советский Казахстан», а в январе 1960-го года ставший республиканским литературно-художественным журналом «Простор». Как видим, все литературы в нашей многонациональной республике, в том числе и русская, находились под опекой государства и были частью идеологического механизма. Положение кардинально изменилось после распада СССР и приобретения Казахстаном независимости.

Получив долгожданную свободу слова, наши писатели, за исключением немногих, оказались не в состоянии распорядиться ею. Хотя справедливости ради надо сказать, что в 90-е годы наконец увидело свет то, что годами писалось «в стол», не публиковалось чаще всего из-за идеологических расхождений с официозом. Такое время наступило, к примеру, для одного из старейших писателей Казахстана Ивана Петровича Щеголихина, чьи романы «Старая проза» и «Другие зори», написанные в 1967 – 1970гг. и запрещенные после разгромных статей в республиканских и всесоюзных газетах, увидели свет в 1990-ом.

Такую же возможность появиться на свет после долгих мытарств получили небольшой по объему, но емкий по содержанию автобиографический рассказ «На исповеди», первоначально имевший заглавие «Голгофа», и сложное фантазмагорическое повествование «Сказать себя, или Пелым и его обитатели» рассказ другого известного русского писателя Казахстана Дмитрия Федоровича Снегина (1912-2002 гг.). Избранный писателем исповедальный жанр способствует намерению писателя показать себя, свою эпоху и современников такими, какими они были в свое время, и тем самым помочь нам понять и принять правду прошлых лет [2, 210-211].

Конец XX – начало XXI веков для Д. Снегина были особо насыщенными, плодотворными в творческом плане. Герольд Бельгер отмечает «умудренно-спокойный, степенно-добрый, философски умиротворенный, пронзительно печальный, самобытно неожиданный» характер Снегина, создавшего в конце своей жизни другую, нехарактерную для его писательской манеры, новую во всех отношениях прозу [3, 9].

Рассказ «На исповеди» имеет трудную творческую историю и был создан с третьей попытки: в 1954-ом и в начале шестидесятых годов хранившийся в памяти материал не поддался писателю. Сорокастраничное повествование, названное писателем рассказом, предварено эпиграфом-цитатой из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Сентиментальная сентенция о памяти и утешении («...и мы, и мы были в Аркадии!») важна для писателя: «...Тогда... единственно научаемся дорожить и настоящим» [4, 23]. Снегин-писатель, вспоминающий о событиях, участниками которых были он сам и его друзья, однополчане, испытавший «судное предупреждение о возможной казни, угрозу, не оставляющую надежды на исправление ошибки» [4, 24], встает на позиции человека, осмысляющего конкретные реалии жизненного пути с некоей абсолютной высоты, благодаря чему жизнь отдельного человека получает философское измерение. Его размышления о прощении и предвзятости обрамляют рассказ-воспоминание об одной сентябрьской ночи сорок первого года, заставившей через более пятидесяти лет думать о том, что «... отравленный ядом предвзятости не способен оценивать ни свои представления, ни поступки другого... Она (предвзятость – Б.Д.) опасна для жизни, потому что непредсказуема и железно уверена, что на земле не может быть никаких волшебников, провидцев иных ценностей и истин...» [4, 24]. Сам писатель только сейчас смог дать своему поведению достоверную, с его точки зрения, оценку и тем самым избавился от «предвзятости». Снегин-рассказчик предстает как непосредственный участник и герой рассказанной истории. Традиционно образ рассказчика вводится в повествование для создания самостоятельной, отдельной от автора позиции героя, для дистанцирования автора от героя. Жизненный материал, положенный в основу, неизбежно подвергся писателем отбору, обработке и трансформации в соответствии с авторской концепцией и идеей. Снегин открыто упоминает об этом: «Скажем, напиши я свою исповедь по свежим следам... несомненно получилось бы ярче, открытее, острее. Но достоверней ли?» (3, 24). Теперь, когда многое стерлось и спуталось в памяти, для него важнее не факты, а больше впечатления от происшедшего, и неслучайно, рассказ завершается оправдательной фразой «Абсит омэн... (не прими за дурной знак...)» [4, 64].

Иван Павлович Щеголихин, один из старейших писателей Казахстана, в последние годы обратился к жанрам автобиографической прозы. «Выхожу один я на дорогу», «Не жалею, не зову, не плачу», «Любовь к дальнему», «Мир вам, тревоги прошлых лет» стали знаковым явлением в русской литературе Казахстана конца XX - начала XXI веков. Не менее яркой является его гражданская позиция, выразившаяся в плодотворной общественной деятельности в перестроечные и постперестроечные годы, сложные для Казахстана, ставшего на путь политической независимости и демократических реформ. И.П. Щеголихин. Автобиографический роман «Не жалею, не зову, не плачу...» был начат в конце 80-ых годов, хотя замысел, подсказанный самой жизнью, вынашивался, скорее всего, на протяжении долгого, насыщенного событиями времени. Не случайно, завершается это непростое повествование «о себе, о времени» признанием: «...Я не знал в тот день, что пройдет время, и десять, и двадцать, и тридцать лет пройдут, я стану старым и скажу внуку: то были лучшие годы в моей жизни, я ни о чем не жалею» [5, 318]. Преобладающей идеей является мысль о том, что автор-герой, несмотря на все трудности, выпавшие на его долю, несмотря на острое ощущение тотального трагизма окружающей его жизни, остался верен идее нравственности и справедливости, и в этом видит свое назначение на земле. И.П. Щеголихин строит свое повествование как рассказ от первого лица, заставляя нас воспринимать его, несмотря на беллетризованность, как автобиографический роман. В аннотации к изданию 2006 года указывается, что это – «роман автобиографический, от первого лица. О времени, о жизни, о себе. О советской действительности. О детстве. Об Отечественной войне, о юности и первой любви. О лагере в Сибири в начале 50-х...» [5, 2]. Писатель рассказывает о собственной жизни, о своих родителях, близких людях, раскрывает мало кому известные моменты своей биографии, развивавшейся как невероятно причудливый сюжет.

Из множества прозаических произведений Г.К. Бельгера, написанных в последнее «критическое десятилетие», мне хотелось бы остановиться на романе «Разлад», (2007 г.). Сюжет кажется во многом автобиографическим: один из двух главных героев немец Карл Дегграф попал в Казахстан в числе переселенцев и нашел в ауле все, что необходимо для счастья, обрел вторую родину, вжился в иную национальную среду, говорит, как истинный степняк, виртуозно владеет казахским языком.

В отличие от модных в последнее время произведений постмодернизма, неомодернизма и пр. роман Бельгера строго классический. Реалистический роман со всеми присущими этому традиционному жанру достоинствами. Сюжетообразующими единицами выступают два героя - аульский учитель («мугаллим»), ныне пенсионер, ветеран войны Мамбет Казиевич Адилев и его односельчанин и друг, бывший тракторист и комбайнер, тоже пенсионер Карл-аксакал, который «говорил с аульчанами совершенно свободно по-казахски, а по-немецки общался уже долгие годы исключительно с дворнягой Рексом». Эти два друга-тамыра оказались в другой реальности, им предстоит сделать нелегкий выбор: одного дети забирают в город, в столицу, другого – в Германию, на историческую родину. Мамбет Адилев и Карл Дегграф оказались в другой среде, абсолютно чуждой их человеческой природе, и переживают то ностальгию «по настоящему» (А. Вознесенский). Перемены в их жизни и сознании настолько потрясли обоих героев, что стали источником душевных страданий. Старый учитель видит разлад в быте и психологии внешне благополучной семьи своего сына Бахыта и, не в силах исправить, пробудить человеческое в душах близких ему людей (сына, внуков), он, посторонний для них человек, просится в дом престарелых или в аул: «Может, там ко мне вернутся былые покой, умиротворенность, бодрость души... » [7, 115]. Его другу Карлу в немецком городке, чистеньком и гладком, словно по нему прошли утюгом, среди сытых и самодовольных горожан все время снится его родной аул. В романе есть эпизод, когда этот казахский немец вдруг в ответ на вопросы чиновника перешел на крик и заговорил на казахском языке: «Это получилось так неожиданно, что присутствующие в чистом, ухоженном закутке застыли в изумлении: с таким напором на таком языке здесь никто никогда не выражался» [7, 104]. Конфликт поколений, отцов и детей показан не в тургеневской традиции, герои не являются борцами, они мучаются от своего бессилия что-то изменить, вернуть детям и внукам извечные представления о счастье, добре, любви. Разлад проник в души, деформировал сознание и психологию людей, и признать свое поражение героям очень больно. Г. Бельгер емко обозначает актуальнейшую проблему сегодняшнего времени: «Разлад в жизни, в семье, в обществе, в душе, в сердце, в думах, в поступках».

В немногочисленный ряд писателей, нашедших свое достойное место в новой литературе, необходимо включить и Мориса Симашко, в «Литературных сюжетах» которого «предметом автобиографической памяти» становится трагическая история страны. А в последних своих книгах «Дорога на Святую землю» и «Четвертый Рим» уехавший из Казахстана писатель вновь возвращается к любимой теме – поиски дороги на родину, пытается с высоты своих знаний о жизни осмыслить свое назначение на земле, понять, что случилось с его малой и большой родиной. И красной нитью через все его книги проходит мысль о том, что Казахстан стал для него, русского писателя, еврея по отцу, немца по матери, родным, давшим возможность для реализации творческих замыслов и чувств.

Иначе обстоит дело с молодыми прозаиками, чья интенсивная творческая деятельность приходится на перестроечные и постперестроечные годы. Они оказались предоставленными сами себе в новых, рыночных условиях, когда для литераторов больший вес имеют не талант и другие его составляющие, а PR-пиаризация и театрализация литературы. И многое зависит от качества работы журналов и других СМИ, «раскручивающих» то или иное имя автора того или иного произведения. На сегодняшний день на слуху у писателей и всей читающей публики несколько журналов: «раскрученный» еще в советское время «Простор», астанинский журнал «Нива», молодежный «Аполлинарий», культурологические «Тамыр», «Тан-Шолпан», «Аманат», «Евразия». Неоценимую помощь всем желающим познакомиться с литературными новостями уже несколько лет оказывает книжное обозрение «Книголюб», в каждом номере рассказывающее о более чем трехстах новых книгах и «книжных» новостях со всего света. Альтернативой библиотекам в традиционном смысле слова в последнее время все активнее выступают электронные библиотеки, где легко и быстро можно «взять» свежие детективы, боевики, триллеры, дамские романы и фэнтези и т.п. Но. К сожалению, в известных и популярных рунетовских и казнетовских библиотеках собственно казахстанская литература, тем более проза, представлена весьма скудно: только на сайте «Асыл Казына» – казахской электронной библиотеки, есть Абай, Ауэзов, Байтурсынов, Жумабаев и многие другие казахские классики. С современной русской литературой пытается познакомить читателей-пользователей литературный альманах «Русскозычная Азия».

В отличие от России, где практически каждый литературный журнал имеет свою виртуальную версию, в казахстанском интернете есть две электронные версии журналов – «Простор» и «Аполлинарий», журнал фонда «Мусагет». Нельзя сказать, что все многообразие казахстанской литературы отражено в этих двух изданиях.

фун-
поп-
суц
под-
Каз
инф
пуб
над
Г.Д.

чал
кон
на
тра
так
Ни
«Го
сол
Ген

«Ай
«Не
Фат
лет
Сан
выш
сер
и кн

прог
Пока
подс

насе
нац
сред
истс

рома
прох

лите
техн
рекл
глав
наем
поли
соци
же, н
прои
мире
струк

Из виртуальных литературных журналов следует отметить сайт «Русскоязычная Азия». Но он функционирует слишком неровно, построен по принципу альманаха с механическим подбором и пополнением каталога произведений, концепция фактически отсутствует. Зато литературный альманах существует только в электронной форме и рассчитан по своему замыслу именно на читателя-пользователя. Знакомству с литературными новинками уделяет внимание московский сайт о Казахстане «Арба», а также Сайт «Najada. Женская сеть Алматы» также включает в свой массив информации литературную страницу, причем здесь можно найти не только прозу и поэзию, но и публицистические произведения о женщинах казахстанских авторов-женщин. Как несомненную удачу надо отметить создание в казнете сайтов-жизнеописаний казахстанских писателей Г.Д.Гребенщикова, Сакена Сейфуллина, Абая Кунанбаева.

К сожалению, новые имена и новые произведения становятся достоянием культуры чаще всего после лауреатства на состязаниях. Из небольшого количества такого рода конкурсов в рамках рассматриваемой нами проблемы хотелось бы отметить только конкурс на лучший современный казахстанский роман, проведенный Фондом Сороса, и ставший традиционным в последние годы конкурс «Русская премия». В рамках этих проектов, а также государственной программы «Культурное наследие» появились новые произведения Николая Веревошкина «Зуб мамонта», «Человек без имени», «Белая дыра», «Снежный пес», «Городской леший», «Легенда о слепом лосе», Ильи Одегова «Звук, с которым встает солнце», Ивана Щеголихина «Выхожу один я на дорогу», Герольда Бельгера «Туюксу», Геннадия Доронина «Жизнь Буратино», новые произведения того же Веревошкина и другие.

Под эгидой программы «Культурное наследие» Мурат Ауэзов издает журналы «Рух-Мирас» и «Айт», проведены презентации книги Н. Анастасьева о жизни и творчестве Абдижамила Нурпеисова «Небо в чашечке цветка» и семитомника Олжаса Сулейменова, мероприятия, посвященные 100-летию Фатимы Габитовой и 110-летию Ильаса Джансугурова, читательская конференция, посвященная 70-летию «Простора», международный семинар к 200-летию Тютчева, презентация книг Сатимжана Санбаева «Медный колосс» и двухтомника Ивана Щеголихина. А в издательстве «Жибек Жолы» вышли первые два тома тетралогии «Путь Абая» в новом переводе Анатолия Кима. В московской серии «ЖЗЛ» появилась книга Николая Анастасьева «Трагедия триумфатора: Мухтар Ауэзов — судьба и книги». Выходит 30-й том пятидесятитомного собрания сочинений Мухтара Ауэзова.

Наряду с гуманной просветительской миссией все выше перечисленные издания, проекты, программы выполняют самую главную работу — способствуют рождению новых поэтов и прозаиков. Показательны в этом плане результаты конкурса на казахстанский роман. Обозреватели и критики подсчитали количество и проанализировали жанровый диапазон произведений.

Русские писатели Казахстана чаще всего обращаются к истории страны и народов, ее населяющих. Это и правомерно, на стадии формирования национального самосознания национально-исторический и социально-исторический роман необходим: они посвящены средневековой истории казахов, сталинской эпохе и последним пятидесяти годам новейшей истории.

На втором месте женский роман с элементами криминального или дидактического романа, героини которых, одинокие, но привлекательные, в поисках любви, карьеры проходят классический путь красавицы из мыльной оперы.

Отрадно, что и у нас немало наследников В. Пелевина, создающих новый для нашей литературы «имиджмейкерский» роман с ориентацией на пелевинский стиль, слог, технику совмещения времен и пространств реальности, и галлюцинаций, и даже персонаж — рекламщик-имиджмейкер. Востребован криминальный роман и социальная драма, где главным, что особенно симптоматично, героем является рэкетир, бизнесмен и даже наемный убийца, а в центре повествования история преступления чаще всего финансовая или политическая. Выборы в органы власти — тоже сфера криминала. В основе сюжета социальной драмы традиционно — человек в изменяющихся условиях. Человек остается тем же, но сменились декорации. Теперь драматический конфликт основан не на крушении идей, производственных проблемах, бытовых неурядицах, а на поисках точки опоры в изменчивом мире, в котором рухнули все привычные, на первый взгляд, надежные, незыблемые, структуры.

Устойчив интерес писателей к жанру фантастического романа с элементами фэнтези, появился дидактический роман или роман воспитания как поучение или руководство по правильному образу жизни. В этих крайне морализаторских произведениях персонажи проходят нелегкий путь воспитания и из не очень хороших становятся эталонно-образцовыми. Развивается жанр молодежного романа. В их основе — истории становления молодых людей, первой любви, отношений в школьной и студенческой тусовках. Об остальных опытах казахстанских романистов можно лишь упомянуть в перечислительной интонации: романы-притчи, в которых делается попытка увидеть и принять то истинный, скрытый от всех смысл, что таится в каждом мгновении нашей такой суетной жизни; роман-боевик, роман о проблемах и философии религиозных конфессий в Казахстане.

Этот краткий обзор тем не менее позволяет нам говорить о том, что в казахстанском литературном процессе произошли и происходят качественные изменения, и литератор живет, по образному выражению одного из участников этого процесса, надеждами.

Литература

1. Иванов Н. Возрождение русскоязычной литературы не планируется // сайт «Полемика и дискуссии» www/polemics.ru
2. Владимиров Вл. Дмитрий Снегин – Алматы: Книга, 2000.
3. Бельгер Г. Мугаллим Морис Симашко // Казахстанская правда. – 2001. – 28 апреля.
4. Снегин Д. На исповеди // Дм. Снегин. Избранное. – Алматы: Жібек жолы, 1999.
5. Щеголихин И. Не жалею, не зову, не плачу...// И. Щеголихин. Избранное в 2 т. – т.1.- Алматы: Жазушы, 1997.
6. Бельгер Г. Разлад // Простор. – 2007. -№ 10.